Текст · 30 апреля 2021, 08:24
Виталий Васильченко,

Мория в огне. Как пожар на острове Лесбос стал символом кризиса европейской миграционной политики

«Отчаяние, вызванное европейской политикой»

Огонь за считаные часы практически стер с лица земли лагерь Мория на острове Лесбос. Пожар 9 сентября 2020 года — вероятно, начавшийся из-за разведенных в разных концах лагеря костров, огонь от которых разгонял порывистый ветер — оставил без крыши над головой, теплых вещей и доступа к питьевой воде и медикаментам около 13 000 беженцев (около четырех тысяч из них — дети).

Жители Мории укрылись от огня в оливковой роще на склоне горы: оттуда беженцам, преимущественно из стран Северной Африки и Ближнего Востока, открылся вид на охваченный пламенем лагерь, в котором многие из них провели уже не один год, ожидая решения властей Евросоюза о предоставлении им убежища.

Некоторым приходится месяцами ждать даже не решения, а просто открытия их дела — за оформление документов ответственны власти Греции, которым годами не хватает рук, компетенции, а иногда и желания, чтобы обрабатывать поступающие обращения. В греческом министерстве по делам миграции запросы беженцев обрабатывают 300 человек, большая часть из них трудится неполный

рабочий день — результат политики жесткой экономии в административном секторе.

Утром, когда казалось, что опасность уже миновала, огонь разгорелся вновь — на этот раз в ранее не затронутой пожаром части лагеря. Всю следующую неделю тысячи людей были вынуждены ночевать под открытым небом, их попытки протестовать быстро сошли на нет, когда полиция острова Лесбос применила слезоточивый газ.

«Состояние снабжения настолько плачевно — трудно поверить, что мы находимся в Европе, — сообщала побывавшая в лагере журналистка телеканала WDR-[1] Изабель Шаяни. — Мы видели, как люди пьют сточные воды. Отчаяние жителей Мории, вызванное европейской политикой, настолько велико, что им кажется, все эти годы они провели тюрьме, но их никто не слышит».

К сентябрю 2020 года Мория была признана самым большим лагерем для беженцев на территории Европейского союза — до пожаров в рассчитанном на три тысячи жителей лагере греческие власти разместили, согласно данным министерства по делам миграции, 12 600 беженцев. Журналисты еще несколько лет назад называли Морию «лагерем отчаяния», а Папа Римский — «концентрационным лагерем», ситуацию в котором вполне можно охарактеризовать как гуманитарный кризис.

Ни один репортаж из этого лагеря не обходится без упоминания регулярных перебоев с поставками электричества, горячей воды, медикаментов и

продовольствия. Журналисты рассказывают о переполненных общественных туалетах и душевых, случаях насилия, вспышках инфекций, попытках суицида, массовых стычках между жителями лагеря, кражах, мало спасающих от непогоды палатках, крысах и нескончаемых очередях. Порой беженцам приходится ждать до 12 часов, чтобы получить свой дневной паек.

В холодное время года жители Мории вынуждены разжигать внутри палаток костры, чтобы согреться — из-за этого в 2017 году несколько человек сгорели заживо в результате несчастного случая. Некоторые не выдерживают и пытаются покончить с собой, например, выпив бутылку хлорки.

Международный комитет спасения[2] отмечал, что уже в 2018 году около трети беженцев, обратившихся за помощью к сотрудникам организации на Лесбосе, пытались покончить жизнь самоубийством. Медики и соцработники давно бьют тревогу: значительная доля беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана пережила военные действия, нарушения прав человека и смертельно опасный путь в Европу, большая часть из них страдает от тяжелых форм посттравматического стрессового расстройства и нуждается в профессиональной психологической помощи.

Все эти годы — на фоне бессилия греческих властей перед лицом гуманитарного кризиса — Мория держится на энтузиазме отдельных европейских правозащитных организаций, которые пытаются обеспечить беженцам и мигрантам

сносные условия проживания. Впрочем, в начале 2020 года, после смены правительства в Греции, власти страны изменили свою политику в отношении некоммерческих организаций на Лесбосе и теперь сильно ограничивают их работу — многие организации даже вынуждены были покинуть остров.

За неделю до сентябрьского пожара в лагере вспыхнули протесты — накануне власти острова объявили Морию карантинной зоной, поскольку медики подтвердили там первые случаи заражения коронавирусом. С начала пандемии эксперты предупреждали, что условия жизни в лагере делают меры по предотвращению заражения практически бессмысленными. Еще в апреле немецкая газета *Tagesspiegel* опубликовала обращение мигрантов из Мории к лидерам Евросоюза: «Вспышка вируса в лагере может стать для нас смертным приговором».

Когда осенью стало ясно, что вирус все же проник в Морию, часть жителей тщетно пыталась выбраться из оцепленного полицией лагеря. Через неделю лагерь был уничтожен пожаром, а спустя еще семь дней полиция задержала по подозрению в поджоге шестерых молодых беженцев — двоих из них недавно суд приговорил к 5 годам заключения, остальные пока находятся под следствием.

По словам полицейских, в ту ночь отдельные жители лагеря пытались блокировать работу пожарных и забрасывали их камнями — среди сотен видео из охваченного пламени лагеря действительно можно

было увидеть и те, в которых беженцы, не скрывая радости, скандируют «*Bye-bye, Moria*».

«Мне неизвестно, кто заложил костер, но я точно знаю — многим хочется, чтобы этого места, несовместимого с человеческим достоинством, не стало», — пишет в ночь пожара депутат Европейского парламента Эрик Марквард от немецких «Зеленых». Марквард — один из немногих европейских политиков, последовательно выступающих за прием жителей Мории странами ЕС.

Кажется, состоянием миграционной политики недовольны все: правительства стран Евросоюза, особенно больше других затронутые проблемой Греция, Мальта и Италия, парламентарии, гражданское общество, международные организации, НКО и многочисленные эксперты сходятся в одном — так дальше продолжаться не может, ЕС необходимо найти совместный ответ на этот кризис.

Пожар в Мории с новой силой запустил дискуссию о системе приема беженцев — отдельные страны, например, Германия, Франция и Бельгия, даже разместили у себя несколько сотен человек из сгоревшего лагеря. Немецкие федеральные земли и города, правозащитники и религиозные общины, в свою очередь, говорят о своей готовности принять еще больше людей — около 170 коммун безуспешно обращались с этим к министру внутренних дел Германии Хорсту Зеехоферу[3], но в итоге Германия согласилась принять только 1 500 беженцев.

Особенности сложных процедур принятия решений внутри Европейского союза, позиция отдельных стран, жестко настроенных против приема беженцев, смещение общественного дискурса в сторону антимигрантской риторики на фоне пандемии коронавируса и экономического кризиса — все это делает перспективу скорого разрешения все более и более призрачной.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Нужно признать, что люди не хотят принимать новых беженцев»

Спустя пять лет после знаменитого «Мы справимся!»-[4], произнесенного канцлером Германии Ангелой Меркель в разгар миграционного кризиса летом 2015 года, от прежнего энтузиазма в Европе не осталось и следа. Правительства разных стран не могут прийти хоть к какому-то согласию, главы части государств не готовы признавать ситуацию на границах ЕС гуманитарной катастрофой, и позиция многих из них может быть выражена словами той же Меркель, сказавшей, что «2015-й не должен повториться». В итоге сегодня единственная

общая стратегия, получившая название «Крепость Европа», пока заключается только в защите границ от нелегального пересечения любой ценой.

> По данным ООН на начало 2020 года, более 79,5 млн человек во всем мире были вынуждены покинуть страну жительства из-за войн, политических преследований или последствий климатического кризиса — 85% из них остаются за пределами Европы и надеются получить убежище или гуманитарную защиту в развивающихся странах. Около 6,6 млн из них — беженцы из охваченной войной Сирии. Ожесточенные вооруженные конфликты, военные перевороты и массовые нарушения прав человека в таких государствах как Венесуэла, Афганистан, Южный Судан и Мьянма вынуждают людей искать убежища и безопасности в других странах. К началу прошлого года наибольшее число беженцев принимали Турция (3,6 млн), Колумбия (1,8 млн), Пакистан (1,4 млн), Уганда (1,4 млн) и Германия (1,1 млн).

После закрытия так называемого «Балканского пути», по которому беженцы через Турцию, Грецию, Македонию, Сербию, Хорватию, Словению и, в конечном счете, Австрию могли попасть в Германию, единственный доступный и предельно опасный путь в Европу лежит через Средиземное море. Чтобы пересечь его, беженцы прибегают к услугам нелегальных перевозчиков, которые пренебрегают правилами безопасности и перевозят переполненные людьми лодки: ежегодно несколько тысяч мигрантов

тонут или пропадают без вести при попытке пересечь Средиземное море.

Так, по данным ООН, в 2016 году погибло более 5 000 человек, в 2017 — около 3 000, в 2018 и 2019 — около 2 000, а в 2020-м, несмотря на пандемию, утонули более тысячи людей. Правозащитники и международные организации уверены: многих из этих смертей можно было избежать, если бы правительства европейских стран продолжили финансировать миссии спасения в открытом море — но в 2017 году Евросоюз закрыл такую программу.

В первой половине 2017 года, когда ЕС еще не приостановил финансирование государственных миссий спасения, при попытке пересечь Средиземное море погибает, по оценкам ООН, 1 из 38 мигрантов. В абсолютных цифрах число погибших за последние годы стабильно снижается, но сам путь явно стал намного опасней: через полгода после прекращения финансирования в море погибает уже каждый девятнадцатый беженец.

Последние годы тонущих в Средиземном море спасают частные инициативы — некоторые из них поддерживаются религиозными организациями (например, *Sea-Watch 4* софинансируется протестантской церковью Германии, а *Sea-Eye* — католической церковью). Нередко они вынуждены одновременно защищаться от критики со стороны правительств некоторых европейских стран — например, Италии и Мальты — и отбиваться от уголовных обвинений. Некоторые политики — в первую очередь, из правых партий вроде итальянской

«Лиги Севера», но еще, к примеру, канцлер Австрии Себастиан Курц или премьер-министр Нидерландов Марк Рютте — уверены, что НКО, занимающиеся спасением утопающих, только подстрекают беженцев к опасному пути, и потому за гибель тысяч людей ответственны именно спасатели, а не миграционная политика стран ЕС.

Правительство Италии, к примеру, закрыло свои воды для кораблей спасателей, а итальянская прокуратура открыла уголовные дела против отдельных правозащитников. Теперь некоторым из них грозит до 20 лет лишения свободы за пособничество в торговле людьми — так итальянская прокуратура расценивает действия частных инициатив, которые подбирают беженцев с переполненных лодок или плотов и помогают им в безопасности добраться к берегам ЕС.

Последние годы сменяющие друг друга правительства Италии придерживаются жесткой политики по вопросам мигрантов — не только ультраправые, но либеральные и лево-центристские партии выступают за такой курс. В частности, министр внутренних дел от левоцентристской *Partito Democratic* даже начинает переговоры с полевыми командирами Ливии: в обмен на финансирование те препятствуют отправлению лодок с беженцами в сторону Европы (эта политика, впрочем, вызвала критику со стороны стран ЕС).

В разгар миграционного кризиса 2015 года государства Евросоюза большинством голосов

приняли решение распределить беженцев между всеми 28 членами[5] — по квотам в зависимости

от размера страны, ее экономических показателей, уровня безработицы и уже принятых мигрантов. Но это решение, формально вступившее в силу, так и не заработало из-за радикальной позиции стран Восточной Европы — Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии — отказывавшихся принимать каких бы то ни было беженцев.

В итоге сегодня систему распределения беженцев по квотам отвергают практически все страны ЕС — за исключением Мальты, Италии и Греции, которые считают себя непропорционально затронутыми гуманитарным кризисом на границах.

Тогда же, в 2015 году, Евросоюз попытался реформировать Дублинскую систему, по которой беженец обязан зарегистрироваться в первой стране въезда. Эта же страна становится ответственной за вынесение решения о предоставлении убежища или гуманитарной защиты. Канцлер Германии Ангела Меркель еще тогда говорила, что такая система уже не соответствует реалиям времени и требует корректировки.

Но в итоге, несмотря на незначительные изменения-, полноценная реформа не нашла поддержки у большинства членов ЕС, и основные принципы Дублинской системы остались прежними — именно поэтому прибывающие в Грецию мигранты оказываются заперты в одном из лагерей, где годами ждут решения местных властей о предоставлении им убежища.

Глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен регулярно подчеркивает, что лагерь Мория — это не греческая, а общеевропейская проблема. Фон дер Ляйен — номинальная глава административной части Евросоюза, она выступает за скорейшее решение кризисной ситуации, однако страны ЕС раз за разом отвергают предложения комиссии о солидарном распределении беженцев по квотам. Ни - протесты в лагере Идомени в 2016 году на границе Греции и Македонии, ни пожары и последующий - снос лагеря в Кале на севере Франции, неофициально возведенного самими мигрантами, ни пожар в переполненной Мории, ни тонущие в Средиземном море люди не могут сдвинуть эту проблему с мертвой точки.

«Нужно просто признать, что люди не хотят больше принимать новых беженцев», — так можно подытожить позицию Евросоюза, если привести слова неназванного дипломата, которого цитирует *Deutsche Welle*.

За последние годы Европейская комиссия разработала множество возможных сценариев реформы Дублинского соглашения и системы распределения беженцев между странами, но все они в итоге блокируются позицией части государств Восточной и Центральной Европы — из-за этого политики в Брюсселе вынуждены разрабатывать новые, подчас довольно спорные концепции решения проблемы.

Так, в 2018 году обсуждалась идея временных лагерей для беженцев в Северной Африке, в которых

европейцы, с одной стороны, рассматривали бы дела о предоставление убежища, а с другой, могли бы произвести «селекцию потенциально полезных европейской экономике специалистов».

Несмотря на широкую поддержку среди глав европейских государств, от этой идеи вскоре пришлось отказаться: с одной стороны, страны Северной Африки, в первую очередь Египет, категорически отказались предоставлять свою территорию для подобной буферной зоны и даже назвали концепцию колониальной. С другой стороны, эксперты по международному праву при поддержке ООН объяснили, что в таких лагерях все равно должна будет действовать Европейская конвенция по правам человека — а именно она, несмотря на отдельные спорные решения судей ЕСПЧ, создала прецедентную практику, сделавшую высылку беженцев и отказ в предоставлении им убежища без важных причин во многих случаях невозможной.

Единственным реализованным общеевропейским проектом пока остается только договор о перераспределении беженцев с Турцией: в обмен на 6 млрд евро в год та согласилась с весны 2016 года забирать к себе беженцев, которые нелегально пересекли границу Греции, в то время как отдельные страны ЕС по квотам размещают у себя тех, кто легально въехал в Турцию и подал там заявление на убежище. Исключение Европа делает только для тех беженцев, которые убедительно смогут доказать, что в Турции их тоже ожидает преследование — с началом

активного участия Анкары в сирийском конфликте осенью 2019 года таких становится все больше.

Договор считается успехом Евросоюза: если в январе 2016 года через границу в Эгейском море на греческие острова попало около 100 000 человек, то уже в апреле их стало в четыре раза меньше. Но договор с Турцией, по словам одного из его авторов Геральда Кнауса, это всего лишь механизм, позволяющий выиграть время для того, чтобы найти долгосрочное решение проблемы. При этом Кнаус подчеркивает, что сегодня любые другие проекты заведомо обречены на провал: «Один тот факт, что Европейский союз до сих пор не смог предоставить беженцам на греческих островах достойные условия проживания, показывает, насколько утопично думать, что подобное сработало бы в странах Северной Африки».

Потенциальная проблема договора с Турцией — его исполнение. Премьер-министр Реджеп Эрдоган не стесняется использовать беженцев как средство политического давления. Так, в феврале 2020-го Евросоюз назвал недопустимыми действия турецких военных в Северной Сирии — и через несколько дней власти Турции демонстративно перестали контролировать границу с Грецией и, даже больше, доставляли мигрантов на автобусах к границе, подстрекая к ее незаконному пересечению.

Впрочем, уже через три недели, в связи с началом пандемии коронавируса в Европе, Турция все же возобновила пограничный контроль. Правительство Греции же под предлогом эпидемии приняло решение временно приостановить действия права

на предоставление убежища. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди говорит-, что подобная практика противоречит как международному, так и европейскому праву.

События в лагере Мория и смерти в Средиземном море, как считает журналист Дэниэл Хоуден, европейские политики используют для устрашения потенциальных беженцев — вопреки единодушным заверениям экспертов по миграции, что подобная политика вряд ли остановит потоки беженцев, вызванные вооруженными конфликтами, политическими преследованиями и последствиями климатического кризиса.

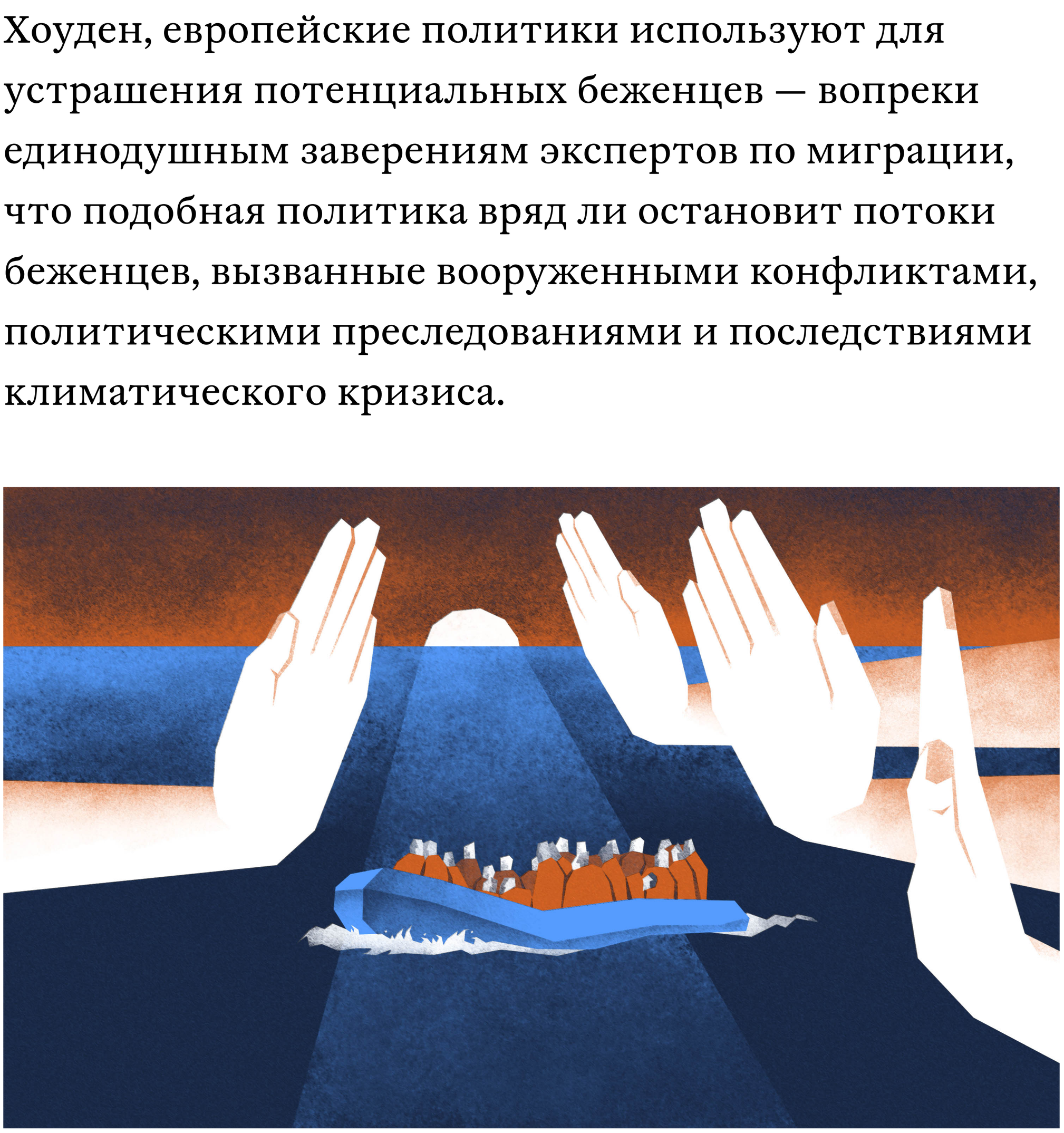

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Лодки в море и сломанные моторы как «преступление против человечности»

«Границы должны быть защищены любой ценой»,

— так на вопрос о применении пограничниками слезоточивого газа ответил лидер консерваторов в Европейском парламенте Манфред Вебер.

Впрочем, как показывают журналистские расследования, на этом *Frontex* — агентство ЕС по безопасности внешних границ — и пограничные службы отдельных стран не останавливаются. Представители ООН тоже встревожены практикой пушбеков[6] — так в европейских медиа называют действия пограничников и сотрудников *Frontex*, которые вытесняют мигрантов за пределы зоны, где действуют европейские законы о предоставлении убежища.

Во время таких акций сотрудники агентства *Frontex* и пограничники — прежде всего, из Хорватии и Греции — силой выталкивают лодки с беженцами, в том числе и детьми, за пределы территориальных вод Европейского союза.

Пушбеки противоречат международным конвенциям по защите прав человека и европейскому праву, поскольку проверка оснований для предоставления убежища должна проходить сугубо индивидуально — и выталкивание лодок обратно в море очевидно несовместимо с этими стандартами. При этом, по данным ООН, число беженцев и мигрантов в последние годы и без того постоянно падает: в 2020 году в Европу сухопутными и морскими путями попало около 95 000 беженцев — это на 23% меньше по сравнению с 2019-м и на 33% по сравнению с 2018 годом.

Группа европейских правозащитников и юристов намерена через Европейский суд запретить агентству *Frontex* участвовать в операциях в Эгейском море — адвокаты Омер Шатц, Анастасия Нтаилиани и Ифтах

Коэт уверены, что именно сотрудники агентства несут ответственность за противозаконную практику пушбеков, осуществляемую греческим правительством.

Пушбеки хорошо документированы в медиа — и адвокат Шатц вообще называет их «преступлениями против человечности», отмечая, что, согласно международным конвенциям, такие действия должны быть приравнены к пыткам.

Немецкие журналисты смогли подтвердить сообщения о том, что греческие пограничники ломают двигатели в лодках с беженцами и оставляют их на плотах в открытом море — это может привести к тому, что лодки просто утонут. Как правило, на помощь вскоре приходит турецкая береговая охрана, но правозащитники уверены, что пограничники и *Frontex* ставят людей под угрозу гибели.

Обвинения в пушбеках звучат и в адрес властей Хорватии — в приграничном городе Липа в Боснии расположился еще один лагерь для беженцев, и на многочисленных видео запечатлено, как сотрудники хорватской полиции избивают людей при попытке пересечь границу. При этом Хорватия отрицает практику пушбеков и обвиняет заявляющие о нарушениях прав человека НКО в «дискредитации» республики.

В январе этого года комиссар по внутренним делам ЕС Ильва Юханссон в очередной раз призвала страны к обсуждению будущего права на убежище. На фоне произошедшего в те же дни штурма Капитолия она

подчеркнула, к чему может привести «отравление дискурса» ультраправыми.

«Миграция — это естественно», — заметила Юханссон, поэтому к проблеме стоит подходить прагматично. Еще в сентябре она предложила очередной пакет поправок к европейским миграционным законам — но и на этот раз совещание министров внутренних дел стран Евросоюза в очередной раз окончилось ничем.

С начала 2021 года Греция и Италия сообщают о росте потока беженцев, прибывающих в Европу через Средиземное море: в первые дни февраля около 120 человек приплыли на итальянский остров Лампедуза. В середине февраля корабль частной миссии спасения «Викинг» обнаружил около 420 человек в открытом море — спасенные были в основном из Гвинеи, Мали, Камеруна, Судана и Сьерра Леоне. Среди них оказался 131 ребенок без сопровождения взрослых. Как сообщила пресс-секретарь Международной организации по миграции ООН Сафа Мсехли, с начала года в Средиземном море погибли уже как минимум 80 человек.

В своем твиттере Мсехли ежедневно пишет об участившихся случаях задержания беженцев береговой охраной Ливии — в рамках договоренности с итальянским правительством. Людей, бегущих от войн и политических преследований, задерживают и отправляют в тюрьмы в условиях все еще охваченной гражданской войной Ливии.

«Такую жизнь больше невозможно выдерживать»

Через полгода после пожара, уничтожившего большую часть лагеря Мория, условия, в которых живут тысячи беженцев на Лесбосе, все еще можно назвать «гуманитарной катастрофой». Греческие власти на деньги из бюджета Евросоюза возводят новый палаточный лагерь на месте сгоревшего, но привычные проблемы пока так и не решены: активисты и правозащитники регулярно сообщают о перебоях с подачей воды и электричества и даже отсутствии горячей еды. Люди вынуждены жить в непригодных для зимней погоды летних палатках без деревянного настила, которые затапливает после каждого дождя.

Оставшиеся на Лесбосе НКО организовали душевые кабинки — но всего 36 штук на 7 500 человек. Кроме того, активисты открыли в Мории несколько станций для дезинфекции, тем не менее, эффективная защита жителей лагеря от коронавируса практически невозможна — сказываются отсутствие финансирования на средства гигиены, проживание тысяч людей в ограниченном пространстве и бесконечные очереди.

«Мы многое пережили во время нашего путешествия, в особенности на границах. Несколько раз мы буквально смотрели смерти в глаза. Но, оказавшись в этом лагере, я знаю: все это было мелочью по сравнению с тем, что происходит здесь. Наши силы на исходе, такую жизнь больше невозможно выдерживать», — рассказывает о жизни в Мории одна из жительниц лагеря. Накануне Нового года по европейским медиа разошлось сообщение «Врачей без границ»: их сотрудники передают, что по ночам

жителей лагеря, в том числе и маленьких детей, кусают крысы.

Еще до пожара для доступа в Морию журналистам и правозащитникам требовалось получить разрешение администрации. С началом же пандемии администрация все менее охотно выдает такие разрешения, объясняя это опасностью вспышки вируса в лагере. Нарушение коронавирусных ограничений, под которые подпадало и общение с журналистами, угрожало беженцам штрафом 300 евро.

Сгоревший лагерь Мория — не единственный на Лесбосе. После пожара на территории бывшего военного полигона при поддержке УВКБ ООН и под управлением греческих властей появляется новый лагерь, предназначенный на 12 000 человек — Мория-2.

Неподалеку от него расположился своего рода образцово-показательный лагерь Кара Тепе, созданный и финансируемый ООН. Его охотно показывают медиа и правозащитникам — в лагере Кара-Тепе живут около 900 человек — в основном, люди с заболеваниями, для которых особенно опасен коронавирус, а также семьи с маленькими детьми. Вместо палаток здесь установлены контейнеры, тропинки присыпаны галькой, а каждые три месяца жители лагеря получают новый комплект одежды. В маленькой палатке детям показывают мультфильмы, тогда как взрослые имеют возможность посещать образовательные курсы.

Но условия в Кара-Тепе — это исключение, а не правило: помимо Мории, уже ставшей синонимом кризиса европейской миграционной политики, существуют еще, к примеру, лагеря на островах Самос и Хиос в Греции, а также лагеря на границах Евросоюза с Турцией и Боснией. Все они получают куда меньше внимания, хотя условия там порой еще хуже, чем на Лесбосе. Так, в лагере Липа на боснийско-хорватской границе беженцы вынуждены ночевать под открытым небом при минусовой температуре. Не имея регулярного доступа к медикаментам, электричеству и воде, люди там пьют талый снег.

Редактор: Егор Сковорода

Embed Wrapper Not Realised
Embed Wrapper Not Realised
Embed Comment Not Realised

1. Westdeutscher Rundfunk (Западно-Германское телевещание) — общественная теле- и радиокомпания, которая финансируется из бюджета Германии.
2. International Rescue Committee — одна из старейших международных НКО, предоставляющих гуманитарную помощь беженцам.
3. Зеехофер известен своей ярко выраженной антимигрантской позицией, к примеру, на одной из пресс-конференций в 2018 году он заметил, что лучший подарок к его 69-му дню рождения — высылка из Германии в Афганистан 69 человек, которым было отказано в убежище.
4. Wir schaffen das! Широко разошедшееся выражение Ангелы Меркель, которым она прокомментировала решение принять беженцев в Германию в 2015 году.

5. После Брекзита и выхода Великобритании из Евросоюза, в нем осталось 27 членов.

6. От английского push back (выталкивать, отбрасывать).